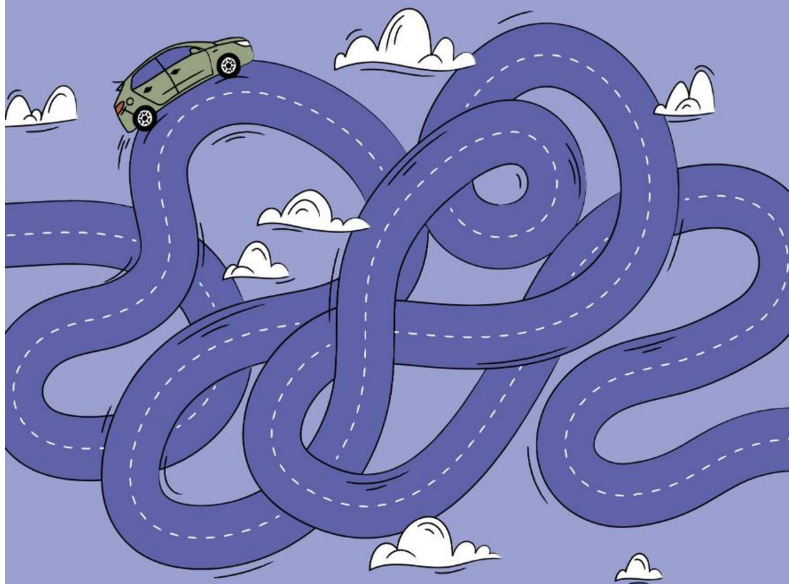


РОМАН ЗИНЗЕР

ЗАПИСКИ ЦИФРОВОГО КОЧЕВНИКА



Роман Зинзер

Записки цифрового кочевника

<https://litres.ru/74570753>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Записки цифрового кочевника" - первая часть тревелога Романа Зинзера о путешествии в 2023 году из России в Европу на машине без конечной точки. В ней автор описывает путь и жизнь в России, Грузии, Турции, Болгарии и Италии. Вместе с писателем в путешествие отправилась его жена и две собаки.

Содержание

9 мая	5
Всё ещё 9 мая	7
10 мая	9
11 мая	12
13 мая	15
14 мая	17
15 мая	19
16 мая.	21
17 мая	22
18 мая	23
Всё ещё 18 мая	26
19 мая	30
20 мая	31
21 мая	36
22 мая	37
23 мая	39
24 мая	40
25 мая	44
26 мая	45
27 мая	50
Часть 2. В пути	56
28 мая	57
29 мая	60

30 мая

62

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Роман Зинзер

Записки цифрового кочевника

9 мая

Три года назад, когда я жил в Москве, мы с моим псом Чарли каждый день ходили на собачью площадку, чтобы Чарли мог там попрыгать и выбегать свою весёлую дурь. Иногда по пути мы встречали деда с большой пушистой немецкой овчаркой. Мы с дедом кивали друг другу, но никогда не разговаривали. Овчарка была очень старой, ходила медленно, я не лез к ним с разговорами и никак не нарушал ветхого одиночества деда и его собаки.

Не помню, как, но однажды мы перекинулись с дедом парой слов. Да, дед сказал, что его пёс очень старый, еле ходит, у него стёрты суставы и случается недержание. Пса звали Хан, тогда я погладил его единственный раз, а через пару недель я уехал из Москвы.

Это было три года назад. Сейчас я живу в Питере и через две недели опять уезжаю: мои гитара и пианино почти про-

даны, аптечка сложена, осталось собрать вещи, какие-то документы и погрузить это всё в машину.

И вот мне вспомнился старый овчар Хан. Я знаю, что прошло три года, и Хана уже нет. Даже деда его, может быть, тоже нет. Может быть. А Хан точно уже мёртв. Ты видел его живым, потом долго не видел и всё. Больше не увидишь.

Почему я решил начать этот дневник с Хана и его деда — не знаю. Какая разница, с чего начинать дневник? Наверно, лучше с чего-то весёлого и цепляющего читателя. Чтобы читатель сразу подумал: “Ух, какой лёгкий писатель этот Рома! Почитаю-ка дальше”. Что ж, “цепляющую” читателя задачу я уже провалил. Значит, дальше можно расслабиться. Так пусть Хан останется в этом дневнике, на самой первой странице. Он был очень красивый пёс.

Всё ещё 9 мая

Нужно небольшое введение. Меня зовут Рома, мне 34. Я частный учитель английского и иногда я пишу книжки. В последнее время уроков у меня стало так много (кажется, учитель я всё же неплохой. Или умею создать впечатление), что на книжки ни сил, ни времени уже не остаётся, поэтому отделеаюсь от графоманского зуда этим дневником. Я один из четырёх участников нашего путешествия из Петербурга в свободную от военных действий неизвестность. Я же наш водитель. На соседнем сиденье будет Настя — учитель русского языка и литературы, моя спутница уже лет десять.

(Сначала я написал “спутник”, но чую, Настя скажет мне не бояться феминитивов. “Это добавит тебе читателей”, — эту фразу она не говорила, но могла бы сказать).

На заднем сиденье — две наши собаки: Чарли — бордер-колли, 4 года, 17 кг, цвет — чёрно-белый. Нури — австралийская овчарка, 6 лет, 18 кг, цвет — чёрно-рыже-белый.

Машина — Опель Корса 2007 года, светло-зелёного цвета.

Если мне хватит сил, то эти заметки станут дорожным дневником двух человек и двух собак (окей, собаки заметки не ведут, но их влияние безмерно). Мы выезжаем 28 мая, в воскресенье. Конечной точки нет, но мы точно поедem из Санкт-Петербурга в Москву, потом через Ростов и Кавказ в Грузию, дальше будет Турция и Болгария. В Болгарии мы проживём месяц. Что потом? Скорее всего Сербия и какое-то время жизни там. Когда назад в Россию, в Москву или Питер, где я жил почти всю свою взрослую жизнь, не знаю. Потом увидим.

10 мая

Перечитал свою первую заметку. Вот нагнал я тоски, да? С Ханом и его дедом. Ладно, постараюсь не вдаваться в печали, хоть кругом и происходят всякие разные нехорошие штуки: страны всё так же воюют, людей всё так же притесняют другие засранцы, которые придумали называть себя страной, государством, а музыка чем дальше, тем больше скатывается в какую-то безыдейную муть.

Вот учим мы недавно с одним из моих английских учеников-школьников фразовые глаголы (get up, go on и всё такое, где к действию добавляется частица). Дошли до “let down” — подводить кого-то. Говорю:

— У Битлз есть песня такая: “Don’t let me down”.

Звучит вопрос ученика: “У кого?”

Эх.

Или вот. Тоже фразовый глагол, тоже у меня в голове сразу музыкальный пример:

— Мужичок с усами песню пел, что шоу должно продолжаться. Что за мужичок и что за песня? Как называется?

— Гитлер?

И ведь это мои умные, хорошие ученики. Ладно. Старею, видимо.

(И про Роллинг Стоунз был случай. Спрашиваю: “А как камень по-английски?”)

Молчание.

Говорю: “Если вспомните группу, где Мик Джаггер поёт, то и камень вспомните”.

Снова молчание.

И про Элвиса было:

— Как перевести знаменитую песню “Can't help falling in love”?

— Знаменитую? — был вопрос.

Надо мне обновить репертуар учительских инструментов и примеров.

Говорят, тревелог, или дневник путешественника, — это самый низкий жанр литературы. Пишешь себе, что придёт в голову и что видишь вокруг. Никакого плана, никакой интриги, параллельных сюжетных линий и прочего. Когда главному герою книги Хантера Томпсона “Ромовый дневник” предлагают для газеты писать туристические заметки, он на-

зывает это дело самым последним дерьмом. И это правда.

Но, с другой стороны, многие книги Джеральда Даррелла — это дневники путешественника, и я не знаю книжек лучше, остроумнее. Да и Радищев с его “Путешествием из Петербурга в Москву” так преуспел, что детям до сих пор приходится в школе мучиться и читать эту историю. Поэтому дневнику быть. Чёрт с тобой, Хантер Томпсон. Выстрелить собой из пушки — это лучшее, что ты придумал.

11 мая

Нет, сейчас уже не 11 мая 2023 года. Сейчас 20 мая, и мой дневник начал отставать. Но кое-какие события я восстановить могу. Во-первых, у меня дома всё сломалось. Водопроводная труба в моей питерской хрущёвке забилась, и вода из душа течёт как слова о свободе и мире через государственную цензуру. Не помыться. Только если из ковшика. Надо звать мужика. А я ведь думал дотянуть и съехать без вызова всяких мужчин. Не срослось. Честно, терпеть не могу все эти ремонтные работы. Ни разу не делал ремонт и, надеюсь, не буду.

Ремонтный мужик пришёл быстро и починил всё быстро:
— У вас там, бляха-муха, всё так забилося, что у меня руки устали пробивать. Я пробивал, пробивал. Еле пробил. Надо бы ещё продуть. У вас там ил! Ил окаменел! — говорил мужик с поэтическим именем Евгений и татуировками зэка.

— И смеситель хером порос, — кипятился мужик. — Менять его надо.

— Чем порос?

— Илом. Илом порос. Как хером. Окаменелым.

Я отправил мужику четыре с половиной тысячи рублей на Сбер, как мы и договорились.

— Надо бы с вас шесть взять за пробитие, ну да ладно, —

раздобрился сантехник Евгений и ушёл.

Потом сломался телефон. Стал произвольно нажимать все кнопки на экране. Я проклял китайскую телефонную контору Сяоми и купил новый телефон корейской конторы Самсунг. И всё бы ничего, телефон ушёл, телефон пришёл, но теперь я не могу восстановить доступ к одному из приложений белорусских банков. Да, это очень важная штука. Завтра расскажу подробнее.

Ещё у обеих моих собак случился понос. Последние два года и Чарли, и Нури были на натуральной еде — мясо, овощи. Но в дороге с мясом сложно, поэтому мы с Настей перевели наших зверей на сухой корм. И сегодня ночью мы просыпались четыре раза и ходили гулять. Вчера три. Завтра Настя захочет выйти в окно. Я как поэт Владимир Владимирович (поэт, поэт) предпочту чего огнестрельного.

Нет, я не закончил про туалетные темы. У Нури очень много шерсти. Австралийские овчарки очень пушистые. И когда у собаки с густой шерстью случается диарея, всю заднюю часть нужно мыть. Четыре раза за ночь. Вот такие вот дела с этим кормовым переходом.

Есть такая старая историческая байка. Кажется, в 1939 году Гитлер пришёл в одну из мюнхенских пивных пообщаться

с партийцами, ему подложили бомбу с часовым механизмом (тут без шуток, покушение было). Как рассказывали, минут за десять до срабатывания механизма Гитлер почувствовал кручение в животе и решил удалиться с собрания. Бомба разметала всю пивную, но Гитлера там уже не было. Так, главный злодей человечества в буквальном смысле сдриснул от смерти.

13 мая

У меня есть ещё одна важная, противная ремонтная задача — сервис нашего железного коня перед дальним путём. Обычно я обслуживаю машину ситуационно — что-то сломалось, чиню и меняю масло. Сел аккумулятор: чиню и меняю масло. Сдох генератор — чиню и меняю масло. В этот раз я решил сделать полный сервис, со всеми осмотрами, заменами лампочек, фильтров и прочей мелочи. Сдал машину. Жду. Звонок сервисмена:

— Роман, мы тут все поменяли. Посмотрели. У вас это, пружина лопнула.

— Лопнула пружина?

— Лопнула. Будете менять?

Конечно, буду менять. Куда ж мы с лопнувшей пружиной поедем через всю Европу. Сервисмен сказал, что пружина стоит три тысячи рублей, плюс ещё работа, плюс, оказывается, менять надо сразу обе пружины. “Мы ещё посмотрим, иногда и амортизаторы надо менять”, — добавил сервисмен.

— Хорошо, посмотрите.

— А ещё у вас кондиционер сломан, не охлаждает.

Я знаю, что кондиционер не работает, но чинить его я не хотел. Двигатель нашего Опеля — 1,2. Сил на хорошее охлаждение ему всё равно не хватает.

— Не будем чинить?

— Не будем, — сказал я сервисмену и сбросил звонок.

Как потом оказалось, амортизаторы менять не надо было, о чём мне в сервисе радостно сообщили.

— И мы вам колесо заделали. Прокол был.

Ещё у машины на лобовом стекле была трещина, длинная, по нижней части. Кажется, в какой-то из зимних дней туда с крыши упала сосулька. Трещина была незаметной, но стекло я решил поменять, потому что границ впереди много, и не хотелось, чтобы из-за стекла нас развернули на замену.

Стекломеняльщики нашлись на Авито. Недалеко от дома после пары поворотов в дворы стоял большой гараж, переделанный под автосервис. Кругом пыль, стройматериалы и куча ещё таких же гаражей. На одном из них висел постер с лицом Лукашенко в кепке и с облачком-репликой “Я всё починю”.

— Четыре тысячи пятьсот, — сказал мне администратор гаража после замены. — Постарайтесь пару дней по кочкам не ездить, полицейских переезжать плавно и резко не тормозить.

— Полицейских?

— Лежачих.

14 мая

В марте 2022 года все банковские карты, которые выпустили в России, перестали работать в других странах. Пэйпал и прочие платёжки тоже больше для россиян не работают.

Так вот, карты больше не работают, а платить нам в поездке как-то придётся. Везти много наличных — это такое дело, наличные могут украсть, я их могу потерять, ещё что может случиться. Говорят, можно пользоваться криптовалютой, но я посчитал комиссии, и получается дорого. Поэтому вся надежда на белорусскую карту одного из банков, на которые пока не наложили санкции. Карту я завёл полгода назад. Делов-то: съездить в Минск на два дня, открыть счёт, получить карту. Главный вопрос тут был, как меня пропустят в аэропорту: в сентябре 2022 года в России объявили частичную мобилизацию, и много людей решили из России уехать. Навсегда или временно. Билеты на самолёты в безвизовые для России страны стоили как Эйфелева башня, на наземных границах в Грузию и Казахстан стояли километровые очереди. Как кто-то мне говорил из моих студентов, после такого многотысячного исхода пограничники стали задавать много вопросов всем уезжающим. Но мне на пути в Беларусь никто никаких вопросов не задавал.

Сегодня же я сходил в мой российский банк и снял все

свои наличные евро, которые можно снять. В 2022-2023 годах в России банковское правило — наличными иностранную валюту можно снять только ту, которая была на счетах до введения этого правила. Евро я снял. Через пару дней надо опять идти и снимать доллары по такому же правилу. В один день всё снять нельзя, ибо лимиты. И деньги надо заказывать за две недели. Тогда будут в кассе.

15 мая

Сегодня день продаж. За один день я продал пианино, электрогитару и ещё пару каких-то штук, которые не поместятся в багажник машины.

И ещё сегодня день работающих стереотипов и неработающих: за пианино приехал парень, который мог быть только пианистом. Высокий, длинные серые волосы, пальцы как ветки. Он сыграл что-то из пианинной попсы, прослушал каждую клавишу, даже понюхал.

— Шумные клавиши какие, — сказал он.

“Не продажник”, — подумал я. “Разве что тысячу попросит сбросить”.

— Если тыс-сячу сбросите, я готов купить.

— По рукам, амиго.

Мы рассчитались.

— А может, и гитару купите? — спросил я и ткнул пальцем в свою электруху, которая стояла тут же.

— Красивый цвет. Чёрный. Но я потом как-нибудь, — ответил парень.

Когда мы уже несли пианино вниз с третьего этажа, парень спросил:

— А почему продаёте?

— Семейные разногласия, — сказал я.

На третьем этаже нам повстречался сосед-алкоголик. Он прижался к стене, пропуская нас, и сказал что-то вроде: “Сударь, извольте”.

Теперь гитара. Её надо упаковать и отправить в Омск. Картон я нашел, но упаковочный скотч по окрестным магазинам надо искать днём с огнём. Я зашёл в пункт Озона, чтобы спросить про скотч, но сотрудников там не было, только очередь из двух человек на получение. Я встал третьим.

Скотч лежал на озоновском столе. Я честно подождал пару минут, но потом дьявол на моём левом плече побудил меня к грехопадению. Я вышел из очереди, взял скотч и со словами вроде “Эскузе муа” вышел из Озона. Погони не было. Преступный путь начался легко и гладко.

16 мая.

Долларов в достаточной для меня сумме в кассе Альфа-Банка не оказалось. Попросили прийти завтра. Приятно, когда у тебя долларов на счёте столько, что банк просит тебя прийти завтра.

17 мая

Не самое привычное чувство. Ты всё продаёшь, и твоя квартира пустеет. То, что не продаётся, едет или в твой родной город Оренбург, или, если это одежда, отправляется в ящик сбора помощи бедным рядом с ближайшим супермаркетом. И квартира пустеет.

Только сегодня я отвёз на почту коробку 12 килограммов — книги и старую посуду, которую коллекционировала Настя. Старый английский фарфор, девятнадцатый век, начало двадцатого века. Даже на меня накатывало благоговение от такой посудной старины.

18 мая

Сегодня переездных дел нет. Только уроки. Поэтому расскажу про текущие новости в России и в мире. Сначала у нас был ковид и, простят меня все погибшие и пострадавшие от эпидемии, с ковида началось моё лучшее время. В профессиональном плане. Я больше не езжу по ученикам и компаниям, чтобы преподавать английский. Вся работа стала онлайн.

В декабре прошлого года у нас с Настей кончились пятилетние французские визы, и надо получать новые, если мы собираемся куда-то ехать. Задача эта сейчас сложная. Все приграничные с Россией страны ЕС турвизы выдавать перестали. Все страны подальше, в них очередь за визой как на поклонение мощам в храме (“ты слишком много делаешь неуместных дешёвых сравнений”, — говорит Настя, когда читает мой дневник). Говорят, раз живёшь в Питере, то проще получать финскую визу. Теперь все не так. Записаться на финскую визу почти невозможно. Итальянцы, испанцы, венгры дают лишь на сроки поездки. Французы? С французами у меня хорошие отношения. К ним тоже не пробиться в визовый центр, но чем чёрт не шутит? Всего-то делов — сидеть и несколько раз на дню тыкать в сайт визового центра и проверять, не появились ли места. Некоторые платят аген-

там или специальным ботом, чтобы те за них тыкали в страничку записи на сайте, но я жадный и бедный, платить 5-10 тысяч рублей мне жалко. Поэтому я тыкал сам. Две недели тыкал, пока не записался.

Французы дали визу на полгода. Хотелось бы больше, но и так пойдёт в нынешних условиях.

Как мне кажется, я понимаю, почему начинаются войны. Я понимаю, что нынешние государства и правители существуют во многом за счёт того, что лет двести назад людей убедили в том, что они один народ, хороший народ, и что есть другие народы, некоторые неплохие, некоторые похуже, но все так или иначе проигрывают в своей хорошестьи своему народу. Проще запихать людей по категориям, чем воспринимать каждого человека по отдельности, с его мыслями и привычками.

А то, что этнос, национальность, общая история, общая культура — это очень искусственная штука, созданная придворными историками и прочими баснописцами — эта идея следующего уровня, добраться до которой можно только убив главного босса в игре — свою зашоренность.

Не полезу в политику (“после двух огромных абзацев-то” — Настя). Скажу кратко: всё понимаю, войны были и будут, но можно стараться свести их на нет. Это как график гиперболы, если вы помните школьный курс алгебры.

Функция стремится к нулю, но никогда не ноль. Но стремится. И всегда будут подонки, которые хотят воевать. И всегда подонкам чаще хочется ответить кулаками, чем объяснять, почему они не правы.

Приписка 19 июля 2026 года. Нет, лучше обойдусь без приписки. Просто скажу, что есть хорошие книжки у Джорджа Оруэлла и Стивена Пинкера. Первую вы знаете, она на каждой книжной полке, вторая называется “Почему насилия в мире становится меньше”. Хорошая книжка. Надеюсь, быстро не устареет.

Всё ещё 18 мая

У меня была одна студентка. Очень хорошая, умная и прекрасная. Она рассказывала вот что. Как-то она работала большим начальником в одной московской айтишной компании. Компания решила устроить тимбилдинг для топов на Байкале.

— Вот приехали мы туда, на остров Ольхон, а нас там встречает мужик такой, в простой одежде зимней, весь обветренный и начинает рассказывать про край. Как он топит печь, как он делает заготовки, как ездит в город за продуктами. И смотрю я на наших топ-менеджеров, они весь рассказ рожи корчили от услышанных неудобств, и вижу пропасть между этим мужиком и ними. Огромную пропасть.

— А сортир что, прямо на улице? — спросил тогда один из москвичей. — Получше места не нашлось?

— Пока так, — ответил мужик.

— Но ведь и правда, туалет на улице — это так себе, — сказал я моей студентке.

— Да, но там нужно было считать контекст. Там и не могло быть чего-то другого, это дикое место, именно поэтому мы и привезли наших туда, для контраста. Но люди не счи-

тывают контексты.

После этого разговора вспомнил я, как на ночь останавливался на ферме в Исландии. Кругом никого, только поля, вулканы, редкие фермы. Нас встретила женщина-фермер, в грязном рабочем комбинезоне. Она помыла руки и провела нас в наш домик. Очень пахло навозом и сквозило изо всех окон. Но мы даже не подумали жаловаться. Это ж Исландия. Видимо, считываем контекст, как говорит моя студентка.

— Очень у тебя такая заметка классовая получилась, — сказала Настя, когда прочитала. О классовой ненависти. Как из книжки для политпросвещения на заводе “Красный Октябрь” в 1933 году.

21 сентября в России объявили частичную мобилизацию, и уехавших стало больше. И какое дело: у меня есть студенты, те, кто служил. Один — как написано в его военном билете, командир мотострелкового отряда, сержант, собрал рюкзак, купил себе снаряжение, сделал операцию на колено, чтобы лучше бегать в атаку, и стал ждать повестки. Другой — военный водитель, сержант, годен по всем параметрам — в тот же день купил билет в Кыргызстан и до сих пор там. Я знаю учителей, кто ушёл посреди учебного года из школы и теперь в Армении. Другой — поёт гимн и проводит новый

урок в школе “Разговоры о важном” с учениками. Учит отличать правду от пропаганды. В понедельник первым уроком. Даже сайт есть таких “Разговоров”. Надо будет сделать свой сайт разговоров о важном. Со своими вариантами разговоров. Напомните мне, если забуду.

Я не пацифист, но я против войны. Дипломатия — слабый инструмент, но по-человечески война хуже. На войне убивают и насилюют. Подставлять другую щёку — так себе удовольствие, но лучше вообще не доводить дело до пощёчин. Порой не получается, да, правда. Но надо стараться.

Хреново человека заставлять идти на войну, на которую он не хочет идти и которую не понимает. Хоть война изредка стимулирует экономику (чаще — той страны, которая в войне не участвует и ей есть, что продавать). Торговля и сотрудничество стимулируют её лучше. Сейчас это известно, но за хорошие навыки торговли имена правителей в учебники истории не вписывают. А за войну — ещё как. Никакого государства в вакууме нет, это просто группа таких же людей, чуть популярнее и самоувереннее всех остальных, а само государство — конструкт этих людей, никак не высшее всеразумное существо. И родина, если копнуть чуть-чуть глубже, — понятие условное и очень раздутое. Государству оно нужно, это понятно: без этой сосиски перед носом людей государям будет трудно выполнять свои главные функции — защищать и устанавливать справедливые правила (если государство рабочее, полезное людям), но родина и государство

— штуки разные. Нужные, но совершенно необязательно связанные на штыках и мессианстве.

19 мая

Сегодня надо дать Чарли и Нури таблетки от глистов (“эк, как ты перешел от государств к глистам” — Настя). Это обязательная процедура за неделю до оформления выездных документов на собак. Почему-то именно с глистовой таблетки в моей голове начался обратный отсчёт до поездки. Как запуск ракеты: день до старта, час до старта, минута, десять секунд.

Встал вопрос, как везти наличные и как везти некоторые раритеты Насти: фарфоровые чашки, серебряные ложки. Да, мы не всё продали. Кое-что поедет с нами.

— Боюсь, могут придраться на границе, что это какая-то антикварная ценность и попросить документы. Или денег.

— За три английские чашки, пару вилок и ножи? — спросила Настя. — Кто попросит? Грузины?

Может быть, Настя права. Но я ведь начитался форумов и теперь боюсь даже тени.

А про наличные... вот как их везти? Засунуть несколько тысяч долларов в один кошелек? Распихать по разным карманам и сумкам? Так я забуду, в каком кармане напихано и, считай, всё. Пропали зелёные. С моей рассеянностью я точно забуду. Засуну все деньги в один кошелек.

20 мая

Ещё большая проблема нашего путешествия — это страховка на машину. Чую, это будет долгоиграющий сюжет. Раньше, до 2022 года, всё было как: ты покупаешь Зелёную карту на 15 дней или дольше на всю Европу и едешь. Теперь Евросоюз соглашения по Зелёной карте разорвал. Страховка на Европу не будет работать с 1 июня. В Турции будет работать, в Сербии будет, а дальше нет. Как я рассчитал, границу с Болгарией мы будем переезжать 4 июня. Значит, действующей страховки у нас не будет. Хм.

Где её покупать? Как пишут форумные люди, страховку на Евросоюз можно купить на границе с Болгарией (дешевле), или на границе с Грецией (дороже) и только на месте. Заранее, онлайн, — скорее всего, такая страховка будет липой.

Вообще я ни разу ещё не сталкивался с ситуацией, когда старые законы перестают действовать, а новых ещё не придумали. Именно так сейчас со страховками на машину. Ну да разберёмся на месте. Пока наш маршрут не меняется: Санкт-Петербург — Москва — Ростов — Грузия — Турция — Болгария. Там посмотрим.

Ввожу такой вот вопрос в Яндекс: “Как остановить войны”. В поиске всплывает или какая-то бессвязная муть графоманов типа меня, либо рецепт прекращения какой-то одной текущей войны. Ввожу то же самое в гугле по-английски. Появляется больше статей. Многие — это такая же муть. Быть ответственным и думать о детях и женщинах обеих сторон.

Хоть раз бы это кому помогло.

Поддерживать международный криминальный суд, который точно осудит политиков, которые развязали войну.

Ха.

Быть готовым простить и уважать своего противника. Использовать эмоциональный интеллект, чтобы войти в положение противника. Требовать, чтобы сами политические лидеры лично участвовали в военных действиях. Показывать фотки и рассказывать истории жертв войн.

И так далее и тому подобное. Такие вот советы. Ага.

Я слышал такое мнение. Прежде чем начать войну, лидеру или лидерам надо лично кого-то убить на камеру. Чушь. Во-первых, думаю, за лидерами не заржавеет, во-вторых, как это

контролировать и принуждать к этому?

Я слышал мнение, что войны закончатся постепенно, если шаг за шагом воспитывать людей, приучать их к тому, что война — это не модно, это невыгодно, это страшно. Примерно как постепенно увеличивать требования по углекислым выхлопам для машин. Рано или поздно воздух в городах станет чище, несмотря на то, что автопроизводителям всё это не нравится. Такая штука, думаю, работает, например, худо-бедно в Европе. Но чтобы войн не стало совсем, эта немодность должна проникнуть везде, во все головы. И в голову европейского менеджера, и афганского. Так не будет. Богатый и добрый рано или поздно расслабится, и его побьёт бедный и злой.

Ещё вариант. Мой. Глупый, но можно порассуждать. Каким-то макаром добиться уничтожения обычных вооружений и оставить только самое мощное ядерное. Никаких маленьких тактических боеголовок. Только мегатонны. И если кто-то хочет выяснить отношения, то может это делать только дипломатическим путём. Иначе последует полное уничтожение участников конфликта. Никаких танков, пехоты и кассетных боеприпасов. Только атом.

Как это выглядит? Страна А претендует на территорию страны Б. Страна А знает, что у неё есть только ядерное оружие, как и у страны Б. Страна А может: дипломатически продавить передачу территорий (вряд ли, так как нет рычагов, кроме экономических), нанести ядерный удар и уничтожить

страну Б (страна Б точно успеет ответить) — это путь в никуда. Или начинать строить обычные танки, в расчёте на то, что страна Б не рискнет вмазать боеголовками по стране А с последующим самоуничтожением и смирится с потерей территории, чтобы сохранить жизнь своих людей. То есть если у всех будет только ядерное оружие, любой конфликт чреват полным уничтожением участвующих стран. А значит, страны будут воздерживаться от войн.

Нет, фигня какая-то. Тут слишком много поводов для провокаций, манипуляций, условий. В стране Б может быть слабый лидер (назову это так) и не ответить ядерным ударом на атаку интервента. Или ставленник страны-интервента. Нет. Только ядерное оружие вопрос не решает никак. Плюс тогда пришлось бы дать ядерные технологии таким странам и людям, которым лучше их не давать.

А что, если всем миром выбрать одного человека, вручить ему ядерную кнопку от всего мирового ядерного оружия и инструктировать его, что если хоть одна страна начинает войну, то этот человек нажимает на кнопку и уничтожает весь мир. Вообще весь. Без правых и виноватых. Тогда никто никакой войны и не начнет. Впрочем, это же человек. Человека можно и подкупить. Назначить неподкупного психопата? Но психопатам тем более не надо давать ядерную кнопку. Дать ядерную кнопку компьютеру, который точно не даст осечку? Но тогда вопрос, что считать началом войны и самой войной.

Все мои рассуждения — это фигня на постном масле, конечно. Я вижу только один способ прекратить войны на Земле. Изменить масштаб. Если планета Земля станет чем-то вроде одной страны и воевать придётся против других планет, тогда, возможно, войны на Земле кончатся. Однако это уже из области “Звездных войн”. Но лучше уж звёздные войны и вопрос, как остановить войны на первом школьном уроке в понедельник, чем... чем что-то другое. Для “звездных войн” надо ещё долететь до другой населённой планеты. А это много-много лет.

21 мая

Две новости. Первая простая — купил страховку на машину в Грузии. Вторая хуже и сложнее. Болгария с 1 мая не пускает к себе с неоткатанным шенгеном. То есть сначала надо въехать в любую шенгенскую страну, а потом в Болгарию. Шенген у нас как раз неоткатанный, и надо нам именно в Болгарию, квартира в Банско уже забронирована и оплачена на месяц. Что ж, значит, поедem через Грецию. Вопрос со страховкой на машину продолжает стоять. Надеюсь, на месте решим.

Приписка от 2026 года. Страховка и все эти неоткатанные шенгены совсем скоро создадут нам проблемы. Прочитайте дальше. И что забавно, через пару лет Болгария войдет в шенген и такая вот наша проблема исчезнет сама собой. Потраченные нервы, да уж.

22 мая

Всё. Пошла последняя неделя перед отъездом. Сделать документы собакам, прибраться и сдать квартиру арендодателю, ещё один раз сходить на тренировку по джиу-джитсу.

Мой тренер Хорхе (все зовут его Джордж) спросил меня, когда я вернусь. Я сказал, что в сентябре. Это неправда, конечно. Вряд ли в сентябре я вернусь. Но он очень хороший тренер и хороший человек и расстраивать его тем, что к его тренировкам я вернусь не скоро, если вообще вернусь, я не хотел. Хорхе из Перу. И так как никого, кроме него, из Перу я не знаю, у меня очень хорошее представление о Перу. Да и джиу-джитсу мне нравится. Надеюсь, где-то там по пути я смогу найти секцию, тренера и тренироваться иногда.

— Попа нису, — говорит на последней тренировке Хорхе. Он вообще часто говорит эту фразу. Она значит, что таз для хорошего приёма надо держать пониже. Хорхе знает русский, как водитель, который всю жизнь ездил на автомате, а тут его посадили на ручную коробку. Понятно говорит Хорхе, но иногда забавно. Иногда он глохнет. Но он молодец, пусть со скрипом, но выучил русский. Попробуйте вы выучить что-то такое же сложное.

— Меня постоянно на улице принимают за узбека, — говорит Хорхе. Потом проверяют документы и видят, что я из

Перу.

Я бы тоже удивился. Где Узбекистан, а где Перу.

23 мая

У меня есть ученик Д. Ему девять, и раз в неделю по субботам мы с ним учим английский. И вот в последнюю субботу Д. появляется в “Зуме”. Спрашиваю:

— А что такое грустное лицо, Д.?

— Я думал, что мы на лето купим билеты в Сочи. Но мы купили билеты в Омск.

24 мая

Единственное, что не продалось, — это треккинговые палки. Совершенно новые, покупал, чтобы бежать горный марафон в прошлом году на Эльбрусе. Не побежал, потому что был не готов, да и билеты в Нальчик сильно подорожали. Взвесил я все за и против и не побежал. И правильно сделал. За несколько дней до забега я нащупал у себя на ноге как-то странно вспухшую вену. Щупал, щупал пару дней и записался к флебологу на консультацию. Флеболог, мужчина лет сорока, темноволосый, с уверенным голосом, после УЗИ сказал, что у меня небольшой варикоз и лучше бы сделать операцию: заварить радиоимпульсами вену.

— Венные клапаны перестали работать как надо и стали пропускать кровь в обратную сторону. Мы введём вам в эту вену штуку (врач тут использовал термин, но я его не помню), теплом склеим вену, и вы через пару часов сами, на своих ногах пойдёте домой. Никакого травматизма после операции. Только какое-то время надо будет носить утягивающие чулки.

Я подумал пару дней и согласился на операцию. Врач сказал, что мне сначала надо сдать кучу анализов, а потом, в конце недели, мы уже можем сделать операцию.

Спустя три дня я пришёл на операцию.

— Зайдите сначала к терапевту, ваши результаты анализов у неё, — сказала мне администратор клиники.

Я зашёл. Терапевт, девушка лет 28, листала бумаги.

— Роман, я не могу вас сегодня допустить до операции. Я сейчас, конечно, позвоню заведующей, но она тоже откажет, я уверена.

— Эээ.

— Анализы на инфекции нам надо будет перепроверить. Результаты перепроверки будут только вечером.

— Анализ на инфекции — это гепатит, сифилис, ВИЧ? — спрашиваю я, немного заторможенно.

— Да, — ответила терапевт. — Вы подтверждаете, что ничем из этого не болеете?

— К-конечно, подтверждаю, — ответил я.

Терапевт сказала мне снять майку и лечь на кушетку, она должна сделать мне кардиограмму.

— А эти анализы — это всё значит, что там что-то положительное? — спросил я.

— Да, — ответила терапевт.

— А что? — спросил я.

— Сначала надо получить повторные результаты из лаборатории. Кардиограмма у вас хорошая. Остальные анализы тоже.

— Пока не переживайте, — сказала врач. — У меня была пара случаев ложноположительных результатов. Вы тоже из Оренбурга?

— Да.

— Я там медицинский заканчивала.

— На улице Советской корпус?

— Да, там, — сказала терапевт. Кажется, её имя на бейджике было «Ольга». — Мы должны сейчас предупредить вашего оперирующего врача о переносе операции.

Терапевт Ольга позвонила моему флебологу два раза, но никто не ответил.

— Наверно, оперирует. Пойдёмте так дойдём.

Мы спустились на первый этаж. Терапевт Ольга попросила меня подождать на кушетке, а сама зашла в кабинет моего флеболога.

Я думал о странном чувстве вины перед терапевтом. Странном, потому что я вроде бы ничем не болею, в беспорядочных связях не замечен, ничего от врача не утаиваю. Но анализ оказался положительный и, наверное, врач думает, что я где-то наврал. Лживый мерзкий сифилитик из города Оренбурга. Самому аж противно.

Через минуту терапевт вышла и сказала зайти в кабинет.

— Роман, давайте тогда дождёмся повторных результатов и тогда уже переназначим операцию, — сказал флеболог.

— Хорошо.

— Не переживайте, у меня был случай недавно, когда одному пациенту сказали, что у него ВИЧ, и отправили его домой. Потом оказалось, что ошибка.

Кажется, я тогда моргнул пару раз глазами и кивнул. Пом-

ню, что всплыло имя Фредди Меркьюри и мысль о том, что он хотя бы кучу хороших песен написал. А я — только кучу сообщений в мессенджерах.

— Тем более и гепатит, и сифилис лечатся, — продолжал говорить мой врач.

Я вышел из больницы и написал Насте, что у нас, возможно, положительный сифилис, гепатит или ВИЧ. Потом пришёл домой и даже провёл пару уроков. Что-то ещё делал. Подумал о том, что это был бы очень избитый, но почти беспроблемный сюжет для книжки или фильма. Диагноз, и главный герой идёт в разнос. Надо только подумать, в какой разнос пойти. Варить наркотики и к морю мне не хотелось.

Вечером администратор из клиники позвонила и сказала, что все анализы оказались отрицательные.

Хороший у меня получился денёк, да. А треккинг палки от несостоявшегося горного забега я так и не продал. Оставил в квартире.

25 мая

— Ещё цветы, — сказала Настя.

Да, ещё у нас есть четыре комнатных цветка: Хельга, Хулио, Херардо и четвёртый, имя которого я постоянно забываю, но первая буква имени тоже на Х. Мы так решили с Настей. Цветы должны зваться на Х. И сейчас их некуда деть. Осталось три дня до отъезда.

— Можем высадить у дома, — предложил я.

— Сдохнут в тот же день.

— Зато на свободе.

— Такой вид свободы переоценивают. Лучше оставим в квартире. Пусть арендодатели наши их куда-то пристроят.

Сегодня я залил полный бак бензина. Я редко так делаю, потому что при полном баке наш Опель начинает вонять. Видимо, в бензобаке что-то негерметично.

Завтра мы идём в городскую ветеринарку получать трэвел-документы на Чарли и Нури. Послезавтра с этими документами я пойду в отделение Россельхознадзора на Финляндском вокзале и получу ещё одни документы.

26 мая

Очередь в ветеринарке была маленькая. Три или четыре собаки и мы. Нури всех облаяла, Чарли отметил все кусты, на которых стояли знаки, что отмечать их нельзя.

— А где тогда можно? — спросила Настя.

Я согласился. Мы ждали на улице в квадратном дворе вет-клиники. Весь двор был закатан в асфальт, а посередине двора была большая клумба и несколько маленьких. Как раз с запрещающими знаками. Куда в таком дворе лить собакам, кроме клумб, — непонятно. Но туда нельзя.

В кабинете было два ветеринара, одна что-то печатала, другая принимала нас. Наша врач отсканировала чипы собакам, посмотрела в паспорта и тоже начала печатать — заполнять формы на вывоз животных за рубеж.

Чарли начал вертеться и ныть, он терпеть не может просто сидеть и ждать, и я попросил врача отпустить Настю с собаками.

— Конечно, мне теперь только документы заполнить, — сказала она, и Настя с нашим шерстяным отрядом вышла на улицу.

— Когда вы границу пересекаете? — спросила ветеринар.

— 31 мая.

— Получается, на шестой день от сегодняшнего числа. А

сертификат действителен только пять дней.

— Хм, а нельзя завтрашним числом написать? — спросил я.

— Нет, мне программа не даёт даты изменить. Может, завтра вам лучше прийти?

— Нет, завтра мы уже не соберёмся. Пусть будет на шестой день. Проедем, там через Грузию вроде просто.

В кабинет зашла девушка с очень большими губами и маленьким пуделем. Они подошли ко второму ветеринару. Девушка сказала, что и ей нужны документы на вывоз собаки. Ветеринар взяла сканер и начала искать чип. Чип не находился.

— Но мы вот только неделю назад поставили, — сказала девушка. — В другой клинике. Нам проверяли. Чип был.

— Да, я вижу в паспорте, — ответила ветеринар. — Но сканером не могу найти. А без чипа я не могу документы выписать.

— Что же делать? — спросила девушка.

— Так иногда бывает, что чип выпадает через место прокола. Можно заново поставить.

Я посмотрел на пуделька, он был совсем маленький, килограмма три, глаза у него были напуганные. Он сидел на железном столе и боялся.

— Хорошо, давайте заново поставим, — сказала девушка.

Врач взяла шприц с чипом и прицелилась в холку собаки. Пудель взвизгнул, огрызнулся и выкрутился из рук ветери-

нара.

— У вас есть намордник? — спросила врач девушку.

Та покачала головой.

— Он кусается. Надо или намордник, или какую-нибудь ткань, чтобы перевязать пасть.

Пудель выглядел ещё более напуганным. Мне стало его совсем жалко, и я предложил помочь его подержать.

— Надо всё-таки намордник, — ответила врач, — а то он нас всех покусает.

Девушка с пуделем вышла на минуту и вернулась с чем-то вроде шарфа. Врач перевязала пуделю рот и снова поднесла шприц, но малыш снова выкрутился. Девушка-хозяйка пыталась пуделя держать за задние лапы, но сил ей не хватало. Пуделёк пыхтел. Дышать через завязанную пасть ему было тяжело.

Мне и моему ветеринару, которая всё ещё заполняла мои документы, было неловко от пуделиных мучений. Я изо всех сил ловил взгляд ветеринара со шприцем.

— Наверно, нам нужна помощь, — сказала врач.

Я крепко взял пуделя за задние лапы. Врач воткнула шприц в загривок собаке, та пискнула и дёрнулась, но я не отпустил. Лапки пуделя были очень маленькие и хрупкие. Я боялся, что сломаю их, но всё прошло хорошо.

— Отпускайте, — сказала врач.

Я отпустил, пуделёк крутанулся и измазал меня кровью, которая пошла у него из места установки чипа.

— Ну рот-то развяжите ему, — сказал я. Пудель дышал тяжело, мне показалось, что он задыхается.

— Ты убил ветеринара и забрал документы, — скорее утвердительно сказала Настя, глядя на мои кровавые руки.

— Пуделя держал. Хорошо, что я не ветеринар.

Есть несколько фильмов, которые я могу пересматривать. “Властелин колец”, да. Горы, роуд-муви, мечи, магия и драконы. Отлично. “Интерстеллар”. Да, “Интерстеллар” могу хоть каждый год пересматривать. И вот интересно, как человечество всё-таки закончится. Пылевые бури и голод, как в фильме? Или мы в конце концов взорвём себя к чертовой матери. Какой-нибудь маньяк запустит ракеты, другой ответит и всё.

Через пять миллиардов лет Солнце расширится до такой степени, что сожжет Землю. Через те же 5 миллиардов галактика Андромеда влетит в наш Млечный Путь, и все смешается так, что Земля вылетит непонятно куда, в абсолютный холод, радиацию и тьму. Но до Андромеды и большого Солнца мы, конечно, не дотянем.

Ещё сценарий конца — истощение ресурсов, бесконечные войны за них и полное вымирание. Ещё — мутация человека, болезни. Падение астероида. Вирусы. Климат. С ресурсами пока ещё не так плохо. Но остальное непредсказуемо. Как ещё можно погибнуть? Я бы поспрашивал в школе на

первом уроке в понедельник. Дети иногда дают неожиданно интересные ответы.

27 мая

Наталья Петровна Пивоварова работала ветсанинспектором на Финляндском вокзале Санкт-Петербурга последние четыре года. Работа была очень бумажная. Главная задача инспектора Пивоваровой — выдавать государственное разрешение на пересечение границы кошкам и собакам. Изредка кому-то более экзотическому или крупному.

Люди приходили в кабинет инспектора со своими зверями, садились на стулья и ждали, пока Наталья Пивоварова заполняла бумаги и сканировала чип специальным устройством.

Зарплата у Натальи была 50 тысяч рублей или около того. У неё был муж и сын. Муж работал в Российских Железных Дорогах инженером, а сын учился в восьмом классе. Учился средне, звёзд не хватал, но Наталью Петровну радовало то, что в целом сын у неё был парнем не злым и врал редко. Жила семья Пивоваровых в своей квартире недалеко от Финляндского вокзала, почти в центре. Официально квартира числилась за бабкой мужа, но та уже давно переехала в деревенский дом. До работы инспектор Пивоварова добиралась за 25 минут пешком. Ей очень нравилось ходить, а не толкаться в метро. Когда муж предложил ей взять ипотеку и купить квартиру больше, но дальше, инспектор отказалась.

Кабинет инспектора Пивоваровой был в доме за главным зданием вокзала. Если смотреть на железнодорожные пути с парковки, повернуть направо от вокзала и пройти минут десять, за складскими помещениями появлялось полукруглое здание. Нужно было зайти в одну из дверей. Там и был кабинет питерского ветнадзора, простой, два рабочих стола, за одним из которых никто не сидел, несколько стульев для посетителей, компьютер, принтер и вешалка.

Рабочий день инспектора начинался в девять утра. Заканчивался в пять. Число посетителей зависело от сезона. Летом приходило по 20-30 человек со своими зверями. В другое время — около десяти.

27 мая инспектор Пивоварова пришла на работу в полдевятого. Она любила приходить немного раньше, чтобы спокойно выпить кофе с эклером из булочной Вольчека, куда она заходила по пути. В девять она открыла дверь ипустила первых посетителей — женщину средних лет и корги. Потом была девушка с котом. Потом ещё девушка с двумя котами. К одиннадцати часам утра инспектор Пивоварова выписала уже восемь разрешительных документов.

Потом была пауза между посетителями, и инспектор налила себе ещё чашку растворимого кофе. Скрипнула железная дверь её кабинета, вошли трое: мужик и две собаки среднего размера. Мужчина сказал, что ему нужны документы на вывоз собак, и инспектор Пивоварова попросила его сесть.

Собаки у мужчины были суетливые: вертелись, пищали и

не хотели сидеть на одном месте. Мужчина пошикивал на них, гладил и иногда чем-то прикармливал.

Инспектор Пивоварова почувствовала, что её кофе стал пахнуть как-то иначе. Говном стал пахнуть кофе. Инспектор открыла форму нового документа на компьютере и принялась. Нет, это пах не кофе. Разило от собак. Инспектор посмотрела на мужчину, тот опустил глаза и что-то размазал ногой на полу.

— Через какую страну въезд? — спросила инспектор.

— Грузия.

— А конечная точка?

— Франция.

— Франция, мм, это как вы, получается, поедете?

— Грузия, Турция, Греция и дальше.

— Хм. А въезд в Евросоюз какого числа?

— 4 июня. Я там онлайн заполнил форму.

— Да, я вижу, — сказала инспектор, — только получается, что у вас въезд в Грузию позже, чем 5 дней с даты выдачи документа. Для Грузии нужна одна форма, потом у вас Турция, ещё позже, там своя форма, и ещё Евросоюз. Я даже не знаю, как вас туда пустят с такими поздними документами.

Воняло всё сильнее, инспектору Пивоваровой всё сложнее было концентрироваться, хоть она и была привычна к животным и их запахам. Мужчина ещё раз потёр ногой по полу.

— Форму, которую вы онлайн заполнили, тут ошибки, —

сказала инспектор. — Её надо переделывать.

Мужчина надул грудь, но почти сразу сдул и ничего не сказал.

— Ладно. Я делаю две формы, на Грузию и Евросоюз, а там по датам смотрите сами. Но не знаю, как вас пропустят.

Мужчина закивал и пару раз сказал «спасибо».

— Минут десять тогда подождите на улице. Я пока всё наберу. Потом зайдите.

— Сначала у Нури на улице случился понос, она извозила в говняхх себе всю попу, а потом мы пошли в этот ветконтрольный кабинет. Завоняли там всё, конечно. Даже мне, принявавшемуся, чувствовалось. И на полу тоже говна намазали, — рассказывал я Насте наши утренние приключения.

— А потом, оказывается, бумаги я не так заполнил, якобы там надо не одну, а много бумажек въездных на разные страны. Тётка-ветконтролиха начала бурдеть, а потом вообще попросила нас выйти. “Сама всё сделаю”, — говорит. Пивоварова Наталья как-то там, — продолжал я.

— Ну вы сами ей там навоняли, — сказала Настя и погладила Нури. — И пол измазали.

— Да. Но работа у неё, конечно уж какая. Сидишь весь день и ворчишь на животновладельцев. Лучше б в веткли-

нике работала. Она же ветеринар, наверно. Училась на ветеринара. Я, пока сидел, там целую биографию ей придумал.

— Она и работала, — сказала Настя и показала мне экран телефона. — Пивоварова Наталья Петровна. Несколько лет назад работала в двух ветклиниках.

— Значит, её оттуда попёрли, и она решила бумажки ворочать.

— А она вам что-то сказала, что вы навоняли?

— Нет, просто попросила на улице 10 минут погулять.

— А что, если она ушла из ветклиники потому, что устала говорить владельцам, что их любимый питомец болен и скоро умрёт? Что его надо усыпить? Это ведь тоже ветеринарная работа.

Настя была права. Ну, или вполне могла быть права. Я заткнулся и пообещал себе не судить людей по их кабинету и работе.

Сегодня последний день перед выездом. Мы складываем вещи, летние, зимние, складываем клетки для собак — для Чарли и Нури это домики, когда нам куда-то надо уйти без них. Мешок корма и разные мелочи. Всё сложили, всё поместилось. Мне пришлось немного подвинуть сиденье к рулю, место Насти заставлено рюкзаками. Бак залит, спускающее, но заданное колесо подкачено. Завтра я проведу утренние уроки, сдам квартиру, и мы едем в Москву.

Часть 2. В пути

28 мая

Я не разгоняю наш Опель больше 130. Наверно, могу, но не разгоняю. Опелю много лет, у него 80 лошадиных сил, он нагружен всеми нашими вещами и поэтому на трассе СПб — Москва нас все обгоняют. Погода хорошая, дорога хорошая, кондиционер не работает, поэтому мы едем с чуть-чуть приоткрытым окном. Шумит, но не сильно. USB втыка у нашей машины нет, блютус она тоже не ловит, поэтому Настя иногда включает радио. Но шипит только Авторadio и поэтому она быстро его выключает. Иногда мы играем в “еду”. Выбираем букву и по очереди называем на эту букву всё съедобное. Раньше мы так играли в писателей, но писатели быстро кончились. В города никогда не играли.

В Москву мы приехали под ночь. Казалось бы, два года ковидной пандемии, год санкций, уход компаний, закрытия торговых центров, но Москва, по крайней мере по МКАДу, всё такая же большая, сверкучая в темноте, с кучей машин.

Я написал в наш отель на московском отшибе, где нас согласились поселить с собаками, что мы будем в десять вечера.

— Да, хорошо, — ответил отельный администратор. — Вы же с собакой?

— Да, с двумя собаками.

— С двумя?

— С двумя.

— Но вы же писали, что вы с одной собакой.

— Когда бронировал, я спрашивал, принимаете ли вы туристов с собакой. В собирательном смысле.

— Вам придётся тысячу рублей доплатить.

— Ради бога.

Российские отели, они такие. Может быть указано, что с животными можно, но всегда надо писать и переспрашивать. Где-то можно, но на самом деле нельзя. Где-то за лошадиную доплату. А где-то принимают только с маленькими собаками. 2—3 килограмма. Серьёзно. Так и говорят. Только с собакой до 2 килограммов. Даже попугаи весят больше.

У нас в Москве есть особое место. Собачья площадка в Южном Чертаново. Рядом с Кировоградской улицей и Кировоградским проездом. Там мы жили 5 лет. Каждый день мы с Чарли ходили на эту собачью площадку. Два года ходили. Там я видел овчара Хана в последний раз. Короче говоря, мы решили туда заехать и посмотреть на бывшие места. Пусть уже глубокий вечер, пусть мы опоздаем ко времени в отель, но на площадку заедем и понастальгируем. Мне всегда нравится это чувство. Снова приехать в то место, где прошёл большой такой кусок жизни. У меня таких мест много.

Когда долго едешь в тёплой машине, а потом выходишь на ночную улицу, пусть даже в конце мая, то пробирает озноб. Меня пробрал до дрожи, когда мы выгрузились и пошли на

площадку. Прошло два года с тех пор как мы отсюда уехали. Собачью площадку перестроили, а Чарли забыл многие упражнения. Мы порезвились немного, ещё больше продрогли и поехали в отель. Завтра сложный день. Надо успеть сделать страховку, провести уроки, которые я решил не отменять. Много дел завтра.

29 мая

Вот бывают какие дни, когда день не день, а дерьмо. Утром я увидел, что у машины отвалилось правое зеркало. Причём именно зеркало — кусок стекла отклеился, а сама пластиковая коробка осталась. Такое уже было. Года четыре назад на чешском хайвее отлетело левое зеркало. Тогда я развернул зеркало заднего вида в машине и ездил по нему. Нормально. Привыкаешь. Правое зеркало — это ерунда с точки зрения вождения на легковушке, но вот пройдем ли мы три границы без зеркала? Значит, за один день надо найти правое зеркало.

Ещё оказалось, что страховку на машину “Зелёную Карту” делают только в центральном отделении страховой. А это в центре Москвы. А потом ещё надо обратно успеть на урок. Наших собак в отеле не оставишь, поэтому мы все вместе поехали в центр и, конечно, вляпались во все пробки.

Настя пыталась гуглить зеркало на агрегаторах запчастей, но там доставка была на послезавтра. А послезавтра мы уже должны быть в Грузии.

Я запарковался рядом с офисом страховой компании и вприпрыжку побежал делать страховку, две страховки: одну на начало июня, когда мы поедем по Турции, другую на июль, когда после месяца в Болгарии мы поедем куда-то

дальше.

На страховку ушло полчаса. Обратно в отель мы тащились по пробкам час с лишним. Стояла жара как в аду, голова трещала и, похоже, на урок я опаздывал. Чёрт. Отменил один урок, успел на второй. Потом на Авито гуглил зеркало на наш Опель. Нашёл, созвонился, потом ещё раз созвонился. Парень на том конце провода обещал вечером привезти. Если привезёт, я буду удивляться Москве ещё больше.

Привез. В 10 вечера, но привез. Я только-только закончил уроки, мы что-то поели какой-то сухомятки, сидя на кровати в отельном номере, и легли спать. Завтра путь на Ростов и ночь в мотеле в Батайске.

В ночь пришло сообщение о штрафе на 5 тысяч рублей за неоплаченную парковку, когда я ходил делать страховку. Замечательно.

30 мая

— До свидания!

— До свидания! Спасибо!

Я подхватил собак, и мы потопали прочь из московского отеля, где провели два дня и две ночи.

— Роман, подождите, — сказала мне администратор с грузинским именем, которое я не запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.